

В. Л. Суходровский

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ *(избранные главы)*

Курская битва



Курской дугой названа конфигурация линии фронта, полукольцом охватившая скопления наших войск с севера, запада и юга. В центре этого полукольца находился город Курск. Наша зенитная батарея занимала позицию в непосредственной близости от переднего края южной части Курской дуги. Батарея состояла из четырех автоматических зенитных орудий (37 мм), смонтированных на четырёхколесных платформах и перевозимых автомашинами, которые отличались большой маневренностью. Пушку можно было вращать вокруг оси, а огонь из неё нередко приходилось вести прямо с колёс. Дальность полета снарядов составляла от 2,5 до 3 км, стрельба велась короткими или длинными очередями со скоростью до двух выстрелов в секунду. Наши орудия были более всего приспособлены для уничтожения

штурмовиков и пикирующих бомбардировщиков. Результативность ведения огня в основном зависела от двух наводчиков, державших в руках горизонтальную и вертикальную баранки. Первый из наводчиков корректировал ведение огня, смещая направление ствола правее или левее, а второй опускал его или приподнимал. Поскольку полёт трассирующих снарядов наводчики, как правило, видели сами, то и любое отклонение трасс от цели исправлялось молниеносно. После команды «Огонь!» ответственность за ведение огня ложилась на наводчиков, которые за оглушающим грохотом пушек последующих команд уже не слышали.

Командиром нашей батареи был старший лейтенант Дунин, командиром взвода – лейтенант Иванов, а командиром моего орудия – сержант Мохов. Я был четвёртым номером в орудийном расчёте, состоящем из восьми человек. Условия, в которых мне довелось участвовать в Курской битве на Воронежском фронте, резко отличались от той обстановки, которая складывалась на Северо-Западном фронте. Там мы мёрзли – здесь изнывали от тридцатиградусной жары. Там мы голодали – здесь кормёжка была вполне приличной. При всем этом нам, зенитчикам, приходилось выполнять неимоверно большой объём земляных работ. Прежде чем занять огневую позицию, мы рыли для орудий котлован, так называемый «ровик», глубиной до одного метра и диаметром в девять метров. Затем надо было вырыть ниши для снарядов и щели для укрытия. Если позиция в течение суток не менялась, то мы вырывали для ночлега землянку, которую сверху перекрывали каким-нибудь подручным материалом в виде досок или жердей. Случалось и так, что начатые работы приходилось прекращать и перемещаться на другую позицию. В боях на Курской дуге такое происходило иногда по несколько раз в сутки. Поэтому лопату можно считать нашим вторым оружием.

Отчетливо помню длительную артподготовку, выполненную нашей полевой артиллерией. После наступившего затишья противнику удалось прорвать нашу оборону, Красной Армии пришлось отступить в тыл более чем на 10 километров. Во время отступления наша батарея неоднократно меняла позиции, прикрывая пехоту от массированных налетов стервятников.

Танковое сражение на Прохоровском поле проходило с 12 по 15 июля. Наша батарея занимала позицию у восточного края этого поля. Небывалое по технической мощи сражение произошло буквально на наших глазах. Немцы впервые бросили в бой свои танки, так называемые «Тигры». Они отличались от советских «Т-34» более мощной бронёй. Но наши танки превосходили их быстротходностью и маневренностью. Над Прохоровским полем стояли клубы дыма и пыли, это не позволило нам видеть всю картину боя. Главное внимание было обращено на небо, где происходили воздушные бои. Падали то немецкие, то наши самолёты. 29-я зенитно-артиллерийская дивизия, в которую входил наш полк и батарея, сформировалась всего полтора-два месяца назад. Наши воины были ещё не обстреляны. Когда «Юнкерс-87» в ходе боя спикировал на батарею, мы увидели падающую прямо на нас бомбу. Все стоявшие на пушечной платформе и рядом с ней успели лечь на дно котлована и остались живы. Вместе с нами легли и два наводчика. Но если бы они проявили выдержку и продолжали вести огонь, то могли бы сбить самолёт прямой наводкой.

В июле дни длинные, а ночи короткие, времени на сон почти не оставалось. Преодолевая усталость, приходилось не отходить от орудий, многократно открывать прицельный или заградительный огонь. И вот, наконец, нашей батарее удалось сбить первый вражеский самолёт. Это был «Мессершмит-109». Вскоре на боевом счету появился второй сбитый батареей фашистский стервятник. Конечно, такое происходило не всегда, но заградительный огонь играл немалую роль в защите наших войск от воздушного противника.

Частая смена позиций продолжалась. Приходилось рыть «ровики» для орудий и щели в самых неожиданных местах, например, на поле с уже зрелой пшеницей, отчего так щемило сердце. Случалось, что мы останавливались на поле недавнего боя с лежащими на земле трупами солдат, как наших, так и противника. В открытых ранах погибших копошились опарыши, а воздух был пропитан трупным запахом. Довольно часто встречались подбитые танки, в которых уже разлагались тела обгоревших танкистов. Вспоминать об этом без содрогания невозможно.

Однажды (это было в конце июля) наша батарея заняла позицию рядом с деревней Черноглазовка Белгородской области. Деревня располагалась в долине небольшой речки. Было сравнительно тихо и спокойно. И тут какой-то неизвестный нам капитан указал нашему старшему лейтенанту на дом с черепичной крышей, расположенный за деревней, прямо среди леса. Капитан утверждал, что на чердаке этого дома находится наблюдательный пункт фашистского разведчика, который корректирует огонь немецких самоходок. Наш комбат загорелся желанием ликвидировать наблюдательный пункт противника. По команде «Огонь!» все четыре орудия дали длинные очереди по указанной цели. Однако противник в ответ был открыт массированный огонь по нашей батарее из орудий гораздо большего калибра, чем наши пушки. Спасаться от артиллерийского огня было негде, так как мы не успели окопаться. Солдаты вместе с командирами бросились бежать в деревню. На бегу я увидел прячущегося в какой-то яме нашего комбата Дунина. Он выглядел испуганным и беспомощным. Когда мы добежали до первого дома деревни, появившиеся фашистские самолеты стали сбрасывать на деревню бомбы. Они рвались где-то рядом. Надо было найти укрытие. Забежали в сарай, нашли погреб и спустились в него. К нашему удивлению, там стояли горшки с молоком, сметаной и даже мёдом. Упустить такой случай было невозможно, и мы тут же в погребе перекусили.

Когда наступило затишье, и мы вернулись на батарею, нам стало не по себе: перед нами лежало мертвое тело хорошего парня Виктора Семёина. Он увидел, что начала гореть машина со снарядами, и не покинул батарею. Ему удалось потушить возгорание, но свою жизнь спасти не удалось. В отличие от нас, он совершил подвиг. Кто-то предложил представить его к награждению орденом, посмертно. Но командир батареи сказал: «А зачем ему теперь награда?» В похоронке, посланной его родителям, было сказано, что он погиб смертью храбрых. Были и еще раненые. Их отвезли на машине в санбат, а Семёина мы похоронили на опушке леса, вблизи деревни.

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

После освобождения Белгорода наша батарея заняла позицию в районе города Богодухова, прямо на бахчевом поле. Земляные работы мы выполнили быстро, копать песчаный грунт не представляло большого труда. До мелочей помню, как на следующее утро мы были подняты по тревоге: в воздухе появились три «Юнкерса-88». Не успели занять места возле орудий, как услышали свист падающих бомб. Я дополз до ближайшей щели и залег в ней. Было страшно. Земля сотрясалась и гудела, меня по пояс засыпало песком. Когда бомбежка закончилась, и я выбрался из щели, то увидел окровавленного командира орудия Мохова. С трудом удалось перевязать глубокую рану на его спине. Уверенности, что он выживет, не было. Ранено было ещё несколько солдат.

На другой день прибыл новый командир батареи, а Дунина отозвали в полк. Нам было жаль его, он был неплохим человеком, хотя и большим любителем выпить. Каким покажет себя наш новый комбат, старший лейтенант Крунин? Первое знакомство симпатии к нему не вызвало. Одно лишь меня обрадовало, что командиром нашего орудия был назначен мой приятель Семён Титков, который к тому времени уже имел звание младшего сержанта. Меня сделали наводчиком по углу места (вверх-вниз). Вечером того же дня командование поставило перед батареей задачу – прикрыть с воздуха прифронтовую станцию Беленихино, куда поставлялось эшелонами всё необходимое для фронта.

Беленихино



Переброска нашей батареи с переднего края на станцию Беленихино состоялась глубокой ночью. Как нарочно, резко испортилась погода. Маршрут протяженностью в 150 км пришлось преодолевать под проливным дождём, грунтовая дорога стала предельно грязной. Мы, солдаты, сидевшие в кузовах ЗИС-5, насквозь промокли. Машинам не раз приходилось пересекать балки. Выбираясь из них, грузовики буксовали. Приходилось соскакивать с машин прямо в грязь и вытаскивать не только машины, но и прицепленные к ним пушки. Команда «Раз, два – взяли!» раздавалась в ту ночь многократно. Мы не только промокли, но и были предельно грязными.

Будучи одним из самых молодых да еще не окрепшим после дистрофии, я настолько обессилел, что даже забираться в кузов после очередной «помощи» машине мне стало невероятно трудно. Поэтому, воспользовавшись кромешной тьмой, я залез под накрывавший пушку брезент и уселся на сиденье наводчика. Но тут меня, укрывшегося от дождя и согрешшего, сморил сон. А когда я услышал в очередной раз команду «Раз, два – взяли!», выбраться из-под брезента не решился, боясь заслуженного гнева уставших солдат. И тут меня снова сморил сон. Не знаю, сколько я спал, но вдруг я почувствовал непривычно сильную тряску. Моя голова стала ударяться о металлический каркас, на котором держался брезент. При этом я услышал крик ужаса. Оказалось, что во время очередного подъема нашей машины из долины какой-то реки моя пушка оторвалась от тягача и помчалась на своих колесах прямо к реке. Наскочив на какое-то препятствие, передние колеса пушки повернулись, и она остановилась в наклонном положении. Одновременно меня очень сильно ударило по голове каркасом.

Я замер, когда услышал приближающиеся к пушке голоса. Кто-то сказал: «Надо же! Въехала на минное поле и не взорвалась!». Мне ничего не оставалось, как подать голос из-под брезента и попросить помощи, чтобы выбраться из наклонившейся пушки. Однополчане меня ни в чем не упрекнули, а отнеслись ко мне, как к герою.

Начинало светать, и через три-четыре часа мы заняли позицию рядом со станцией Беленихино. Здесь стояло несколько эшелонов, доставивших на фронт технику, снаряды и продовольствие. От станции на фронт уходили груженные автомашины.

Несколько слов о нашем новом командире батареи Крунине. Его непривлекательная внешность соответствовала скверным душевным качествам. Мы каждый раз убеждались в его невоспитанности и малограмотности. При обходе орудий он основное внимание обращал на блеск стволов и прочих металлических частей. Зная об этом, мы смазывали их маслом. Увидев блеск металла, Крунин произносил: «Порядык», делая ударение на слоге «дык». Будучи службистом, он буквально упивался своей властью. Мы надеялись, что в относительном тылу мы сможем отдохнуть от фронтового напряжения и выспаться. А нам приходилось каждый день заниматься строевой подготовкой. Нам возмущало, что Крунин создал для себя особые условия. Комбат любил жареную картошку, и нам не раз приходилось видеть, как наш повар жарил её в сплошном масле или жире. А мы в это время питались впроголодь, довольствуясь пайком, куда меньшим, чем на передовой. Примечательно, что другие два офицера (командиры взводов) питались из общего котла.

Однажды глубокой ночью раздалась команда: «Тревога». Поскольку мы спали в землянках одетыми, мы тотчас заняли свои места на орудиях. Разведчиком в эту ночь дежурил Саша Кузьмин, который умел определять тип самолета по звуку мотора. Комбат приказал наводить по звуку и дать короткую очередь из трассирующих снарядов, что служило бы для самолета «запросом». Наши самолеты на подобный «запрос» отвечали, как правило, цветной ракетой. Самолет ракетой не ответил. Тем временем он сделал разворот. Кузьмин снова сообщает: «Со второго на четвертый, то есть с востока на запад, шум мотора «Хенкель-111». Мы с нетерпением ждали, что комбат, наконец, прикажет открыть по самолету заградительный огонь, но приказа не последовало. Кончилось всё печально: немецкий бомбардировщик сбросил на станцию большую фугасную бомбу. Наконец, была подана команда «Огонь», и наши орудия выпустили целый снаряд в сторону уже удаляющегося самолета. Момент был упущен. На станции творилось что-то невообразимое: пылало сразу несколько эшелонов, были слышны крики людей.

Командир орудия Титков решил воспользоваться шоковым состоянием Крунина и поручил мне под покровом ночи сходить на станцию с вещмешком и лопатой, чтобы «спасти» хоть какое-то количество еще не сгоревших продуктов. Мне повезло в том смысле, что горящий вагон с американской тушенкой был далеко от вагонов с боеприпасами. Но и к этому вагону подходить было опасно. От огня банки взрывались и лопались. Мне всё же удалось отгрести в сторону несколько десятков ещё не взорвавшихся банок, эту тушенку мы потом ели с огромным удовольствием.

Через несколько дней к нам на батарею прибыл майор-следователь из дивизии. Он беседовал с нами, но в основном с Круниным, который представил дело в выгодном для себя свете. Таким образом, несмотря на бездарное командование батареей и явную вину Крунина, материальные и людские потери на станции Беленихино были списаны на войну.

Фронтовые будни

После описанного события на станции Беленихино наша батарея участвовала в следующих боевых операциях 2-го Украинского фронта: 1) освобождение Полтавы; 2) форсирование Днепра (в 40 километрах ниже по течению от г. Кременчуга) и охрана понтонной переправы; 3) освобождение Кировограда; 4) освобождение г. Первомайска (на севере Одесской области), за что наша дивизия получила наименование Первомайской; 5) освобождение северных районов Молдавии, в том числе города Бельцы; 6) освобождение северо-восточных районов Румынии и города Ботошаны.

После переброски нашей 5-й гвардейской армии на 1-й Украинский фронт батарея участвовала в освобождении юго-восточных районов Польши, в том числе в сражениях

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

на Сандомирском плацдарме (левое побережье Вислы). Упомянутому сражению будет посвящена следующая глава.

Во время проведения всех этих боевых операций тяжелая моральная и физическая нагрузка ложилась на плечи солдат-зенитчиков. Кроме ведения огня по противнику и выполнения самых необходимых земляных работ, приходилось рыть и обустраивать землянки для офицеров, поочередно стоять на посту у орудий, обеспечивать кухню дровами и водой. Найти воду порой было очень сложно. Чтобы добраться до неё, надо было, иногда даже под обстрелом, преодолеть немалое расстояние да ещё спуститься по склону к реке. Обратный путь с канистрами, заполненными водой, был ещё труднее.

Иногда воду находили в какой-нибудь лужице среди болота. Однажды в доставленную из такого «источника» воду попала лягушка, которая была сварена в супе. И надо же так случиться, что эта лягушка попала в мой котелок. Когда я ел суп, сидя на пушечной станине, то подумал, что мне здорово повезло: достался кусок мяса. А когда вытащил это «мясо», то увидел свисающую с ложки лягушачью лапку. Остаток лягушачьего супа я тут же вылил за бруствер «ровика». Это сделали и все остальные.

Земляные работы и работы по кухне выполнялись только солдатами. Правда, иногда некоторые младшие командиры и даже офицеры были снисходительны к своим солдатам и помогали им. Офицеров мы воспринимали как вышестоящий слой армейского общества. Любые их приказы являлись законом для подчинённых. Подчинённые даже не имели права жаловаться на них вышестоящему командованию. Такое положение соответствовало существовавшему во время войны воинскому уставу.

В нашем орудийном расчете я считался самым грамотным, поскольку имел среднее образование. Другие успели закончить семь или всего четыре класса школы, а вот сибиряк Арышев был совсем неграмотным, хотя отличался трудолюбием и глубокой порядочностью. Я подружился с солдатом другого орудийного расчета Порфирием Латышем, бывшим директором средней школы. Он был высоко образованным человеком, знал много песен и пел их красивым голосом. Однажды он провинился перед командиром батареи Круниным. Крунин построил батарею, вывел Порфирия из строя и заставил снять ремень. Потом приказал выкопать яму, в которой продержал его целые сутки. Допускаемые Круниным унижения и оскорбления солдат оставались безнаказанными.

Несколько позднее я подружился с другим солдатом, Владимиром Хоменко. Он был родом из-под Полтавы и до войны успел закончить 1-й курс архитектурного института. Его призвали в армию и отправили на фронт в западную часть Украины. В результате наступления войск противника он оказался в окружении, а затем попал в плен. Ему дважды удалось бежать из плена, после второго побега он скрывался от фашистов и украинских полицейских. Когда наша армия освободила Полтаву, Хоменко снова призвали в армию, и он попал на нашу батарею.

В начале марта 1944 г., когда наш передний край находился километрах в пятидесяти к западу от Кировограда, была страшная распутица, техника практически не могла перемещаться по бездорожью, отстав от пехоты километров на 100. Доставка продовольствия прекратилась. Есть было нечего. И тут как-то случайно мы наткнулись на залежи картофеля, все еще хранящегося в гуртах под землёй. Эту картошку с Володей Хоменко мы стали варить в землянке на «буржуйке». Ели с добавлением конского жира, который вырезали из недавно убитой лошади, обнаруженной поблизости от нашей батареи.

Наши офицеры частенько ходили в ближайшую деревню к одиноким женщинам-солдаткам. Там их угощали деревенской едой и самогоном, производство которого шло полным ходом. Для местных жителей самогон, можно сказать, был валютой, они с удовольствием обменивали его на что-нибудь из одежды. Один наш солдат докатился до того, что стал раздавать лежавших в окрестности батареи убитых немцев и менять их одежду на самогон.

Во время затишья медсёстры из санбата посещали батарею для проверки личного состава на форму 20, то есть на шивость. Если удавалось найти у кого-нибудь нескольких насекомых в нижних рубашках, то такой осмотр заканчивался очередной организа-

цией бани и санобработкой одежды. Полковой врач-капитан иногда осматривал мужчин с целью выявления венерических заболеваний. В очереди стоял довольно забавный солдат Вася Кутилов, который славился большим размером своего мужского достоинства. Об этом знали все, в том числе и капитан. Когда Вася подходил к нему, военврач говорил: «Давай, вываливай». Раздавался общий смех, а Кутилов и медсестра смущенно улыбались. Всем было известно, что Вася очень переживал из-за невозможности удовлетворить свою сексуальную потребность. Но однажды ему удалось все-таки уговорить дивизионную прачку. Как потом стало известно, это стоило ему скопленной годовой зарплаты.

На каждой из батарей было по девушке-санинструктору. Как правило, каждую из них опекал какой-нибудь офицер. Это оберегало их от притязаний со стороны других мужчин. Среди медработников полка выделялась Тася Курьянова. Она была хороша собой и очень общительна. С ней можно было говорить на любую тему. Будучи хулиганистой, она в разговоре могла ввернуть крепкое словцо. В жаркие минуты боя, бесстрашно рискуя жизнью, она помогала раненым. Но однажды она стала жертвой чрезмерной своей доверчивости. Произошло это на территории Румынии. Она шла из батареи в санбат дивизии. По пути она проходила мимо минометчиков. Те заманили её к себе в землянку, якобы на день рождения их сержанта, напоили спиртом, а потом изнасиловали всем минометным расчётом. Её лечили в санбате, а через 3 – 4 дня она вернулась на батарею, как ни в чём не бывало.

Боевой путь батареи, который был обозначен в начале главы, продолжался 13 месяцев. За это время батареей было сбито около 15 самолетов. Важную роль играл и заградительный огонь, который ограничивал возможности вражеской авиации. Однажды нам пришлось открыть огонь даже по немецкому танку. Произошло это в конце декабря 1943 г. на Кировоградском направлении.

Наша огневая позиция располагалась рядом с деревней, в которой размещался штаб дивизии. До ближайших домов было не более трёхсот метров. Неожиданно возле наших пушек остановился «Виллис». Из машины вышел полковник, начальник политотдела дивизии. Я обратил внимание, что он награждён тремя орденами Красного Знамени. Полковник зашёл в «ровик» нашей пушки, с каждым поздоровался за руку и стал расспрашивать о нашей фронтовой жизни. Нас всех тронуло его внимание. В этот момент мы услышали шум танковых моторов со стороны западного края деревни, по улице бежали штабные военнослужащие, некоторые из них были полураздеты. Они спасались от провавшихся в деревню немецких танков. Комбат успел скомандовать: «Заряжать бронбойными», а сам исчез, возможно, спрятался. Заряжая пушку, мы и не заметили, как из нашего «ровика» исчез и полковник. Лишь увидели, как он подбежал к машине. Улица деревни опустела, и мы увидели танк, по которому выпустили очередь бронбойных снарядов. Но этот танк, как потом оказалось, был уже подбит одним из пехотинцев, который успел бросить под его гусеницы противотанковую гранату. Таким образом, танковая атака была сорвана.

Сандомирский плацдарм

13 августа 1944г. – траурный день для нашей батареи. В этот день она лишилась примерно третьей части своего состава. Это произошло на Сандомирском плацдарме. Но все по порядку.

Накануне ранило моего командира орудия Семёна Титкова. Я был тогда первым наводчиком и предполагал, что комбат Крунин доверит командование орудием мне. Но Крунин недолюбливал «слишком грамотных». Его выбор пал на второго наводчика – Хайруллина, хотя боевой опыт у него был небольшой. Случилось так, что при переезде на другую позицию, когда батарея миновала понтонный мост через Вислу, шофёр не удержал машину при подъеме по склону, и она попятилась назад, прижав к пушке находившегося у прицепа Хайруллина. Он был сразу же отправлен в санбат. Комбату ничего не оставалось, как назначить командиром орудия меня.

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Подъехали к деревне, возле которой стоял костел, окружённый высокой каменной стеной. Неожиданно мы увидели бегущего по улице поросенка. Стоило мне сказать шоферу: «Смотри, не задави животное», как он специально наехал на поросенка и задавил его. Солдаты, сидевшие на платформе пушки, не растерялись и подхватили тушу. Вскоре комбат остановил машины, решив занять позицию по другую сторону от костела, на пологом склоне, обращенном на запад. После размещения орудий на выбранной площадке машины были отправлены за оградой костела.

Началось окапывание орудий и рытье щелей для укрытия. Но вырыть «ровик» и щели до нужной глубины нам так и не удалось: в небе появились три «Юнкерса-87». По команде: «К орудиям!» я занял место первого наводчика. Одновременно я оставался и командиром орудия. Один самолёт из трёх был тут же нами сбит. Мы раньше других открыли огонь и чётко видели траекторию полёта наших трассирующих снарядов. Но чьи снаряды достигали цели, всегда решал сам комбат. Через минуту-другую началось невообразимое. По батарее открыли массированный огонь самоходные немецкие орудия, расположенные не далее как в трёх километрах от нас. Снаряды рвались поблизости, а мы пытались спастись, кто как мог. Четверо распластались на дне орудийного «ровика», который нам так и не удалось выкопать до необходимой глубины, а наш заряжающий лёг на дно недорытой щели, я лёг поверх него. Самым нерасторопным оказался подносчик снарядов Комаров. Он был старше нас, ему было около пятидесяти, и мы называли его «стариком». Он бросился к нашей щели и лег поверх меня. Мы постарались предельно сжаться, но втиснуться в наш окоп полностью он уже не смог. Угроза для батареи резко возросла, когда два «Юнкерса» из той тройки, по которой мы уже открывали огонь, развернувшись, стали пикировать на нашу батарею. Так что, кроме снарядов, на батарее рвались и бомбы. Земля тряслась, мы практически оглохли. Лежащий поверх меня Комаров застонал, его ранило в бок, видимо осколком бомбы. А мы ничем не могли ему помочь. Ему достался тот осколок бомбы, который мог достаться мне.

Отбомбив, самолёты удалились, а артобстрел всё ещё продолжался. Не помню, сколько времени мы пролежали в щели. Когда артобстрел, наконец, прекратился, я и заряжающий встали и осмотрелись. Комаров был еще жив. Мы вдвоем перевязали его огромную рану. Надежды, что он останется жить, было мало. В этот момент меня увидел командир взвода лейтенант Иванов. Как потом стало известно, он оказался единственным из офицеров, оставшимся в живых. Увидев меня, он приказал бежать к костелу за машиной, чтобы перевезти орудия и людей в более безопасное место по другую сторону костела.

Бежать по открытому полю почти полкилометра опасно, но приказ есть приказ. По пути я увидел одного из командиров взводов, тяжело раненного в пах. Его рана была открыта пенистой кровью. Затем я увидел тяжело раненного комбата Крунина, рану которого перевязывал его ординарец. Тяжёлое ранение и последующая смерть в госпитале стали для него как бы возмездием за бездарные тактические решения и жестокое отношение к солдатам.

Мой путь до костела раза три прерывался возобновлявшимся пушечным обстрелом. Я падал на землю, чтобы обезопасить себя и отдышаться. Наконец, я был за оградой и принялся искать своего шофера. Нашёл водителя другого орудия Марченко. Передал ему приказание лейтенанта. Он завёл машину, и мы с ним помчались на позиции на предельно возможной скорости. Этот бросок на колесах был не менее опасным, поскольку шум мотора заглушал свист летящих снарядов.

Теперь нам предстояло выкатить пушку из «ровика». Угроза обстрела прибавила нам силы. Если раньше в относительно спокойной обстановке восемь человек едва справлялись с этой операцией, то теперь это нам удалось сделать впятером. На платформу пушки мы забрасывали тридцатикилограммовые ящики со снарядами как пушинки. Нам с Марченко удалось вывезти с поля боя ещё пять пушек вместе с их орудийными расчётами и с трупами погибших. Все раненые были отправлены в госпиталь.

Мы похоронили погибших товарищей, в том числе командира орудия Боброва и моих друзей Латыша и Михайлова по ту сторону костела. Михайлов на нашей батарее появил-

ся сравнительно недавно, он окончил Рабфак, военное училище и потом военную академию. Он побывал в плену, а когда снова попал в армию, стал скрывать свое прошлое. Он был скромным, простым и веселым человеком. Всех погибших мы завернули в шинели и опустили в могилу. На помин их души выпили по 100 граммов выданной нам водки и закусили поросенком, которого утром задавили на деревенской улице.

Через неделю мы узнали, что лейтенант Иванов, принявший на себя командование батареей в тот страшный день, награжден орденом Александра Невского. За сбитый немецкий самолет орденом Красной Звезды наградили дальномерщика Крылова, ординарца Иванова. Новый комбат нам объяснил, что Крылов был представлен к награде, потому что оформил сбитый орудийными расчетами самолет. Кстати, следует заметить, что каждый сбитый батареей самолет считался действительно сбитым, если этот факт задокументирован. При этом должен быть составлен соответствующий акт с подписью свидетелей и заверен штабными печатями. А упомянутого Крылова, когда сбили самолет, даже не было на батарее. Зато находить свидетелей успешной стрельбы он умел, как никто другой. Меня комбат не представил даже к медали, возможно, забыл, что в спасении батареи кроме него самого участвовали и мы с Марченко. Моя обида была глубокой, но я не стал напомиать о себе. В конечном счёте, обоим награждённым завидовать не приходится: Крылов вскоре был убит, а лейтенант Иванов тяжело ранен.

И снова курсант

Когда после жарких кровопролитных боев на Сандомирском плацдарме наша батарея уже стояла на другой позиции вблизи Вислы, фронт стабилизировался. Наступление наших войск прекратилось ввиду усиленного сопротивления противника. Нами было сбито ещё два вражеских самолёта, но мы потеряли одного солдата. К нам на батарею пришло новое пополнение. Теперь в моём орудийном расчёте был полный комплект. Моего друга Хоменко, первого наводчика, наградили медалью «За отвагу» и перевели на другой орудийный расчет.

Новым командиром нашего взвода стал лейтенант Павел Поляков. Более теплого отношения к своему непосредственному командиру я не испытывал ни до, ни после. Поляков был старше меня лет на пятнадцать, родом из Апрелевки, почти земляк. Ко мне он относился по-отечески и фактически стал моим наставником. Заглядывая вперед, обмолвлюсь о моей встрече с ним уже после войны в 1947 году. Он к тому времени демобилизовался и жил в своей родной Апрелевке. Я навестил его, будучи уже младшим лейтенантом. Он встретил меня с распростертыми объятиями и, обратившись к жене, пояснил: «Ты знаешь кто это? Мы же умирали вместе».

На нашу батарею пришла разрядка: направить одного из командиров орудий на фронтовые курсы младших лейтенантов. Обратились ко мне, как к молодому коммунисту и комсоргу батареи. Я отказался. Война уже заканчивалась, а я еще не имел ни одной награды. Представлял, как мне будет стыдно возвратиться домой, не имея даже медали. А как бы я выглядел рядом с моей мамой, учительницей, которая, работая в тылу, была награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени? Не зная, что делать, я обратился за советом к своему командиру взвода. А он стал меня убеждать принять данное предложение. Он говорил, что я ещё молод, что у меня есть родные, которые ждут моего возвращения, а надеяться на быструю победу пока ещё рановато. Короче говоря, он убедил меня, и я дал свое согласие.

Курсы младших лейтенантов размещались на территории довоенной казармы в польском городе Ланьцуте. Продолжительность учебы составляла шесть месяцев. Большинство курсантов имели звания от младшего сержанта до старшины. Один я был всего лишь ефрейтором. И все, кроме меня, были награждены либо медалями, либо орденами Славы. Правда, в моей характеристике было сказано, что моим орудием было сбито три вражеских самолета.

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Мы жили в казарменных условиях. Кормили нас несколько хуже, чем на передовой. Некоторые курсанты приноровились тайком разбирать брошенную на территории казармы конюшню и продавать доски местным жителям. На вырученные золотые покупали кое-что из продуктов. Я подружился с Борисом Зарецким. Он для меня стал верным и надежным другом.

Начальник наших курсов, старший лейтенант, был большой моралист. Однажды во время очередного нравоучения, которое он нам читал перед строем, пошел дождь. Дождь становился все сильнее. Вскоре мы все промокли насквозь. Однако старший лейтенант будто этого и не заметил. Я шепотом, едва слышно, сравнил его с бездушным милиционером. На другой день старший лейтенант вызвал меня в свой кабинет, и за «милиционеру» я схлопотал себе сутки гауптвахты. Пришлось снять ремень и приняться за уборку нечистот на территории казармы. Мы с Борисом заподозрили, что моя реплика о «милиционере» была доложена старшему лейтенанту стоявшим рядом со мной в строю курсантом. Правда, у нас не было прямых улик.

Время тянулось медленно, а нам уже хотелось сменить нашу «жизнь в строю» на более свободный фронтной режим. Конечно, мы знали, что на передовой придётся спать не на кроватях, а в землянках, не раздеваясь. Но это нас не пугало. Главное было в том, что мы невольно оставались в стороне от тех важных событий, которые происходили на фронте. 15 февраля 1944 г. мы, наконец, сдали государственные зачеты, а вскоре вышел приказ о присвоении нам званий младших лейтенантов. Нас одели в офицерскую форму с золотыми погонами.

Итак, после всех описанных выше солдатских испытаний, я поднялся на вышестоящую армейскую ступень, которая мне ранее казалась недоступной. Я почувствовал себя более свободным человеком в правовом отношении, а, главное, более востребованным. Изменилось и отношение ко мне со стороны окружающих: солдаты и сержанты стали отдавать мне честь.

Кроме того, теперь я имел некоторые материальные преимущества: вместо ботинок с обмотками мне выдали сапоги, вместо хлопчато-бумажного обмундирования – шерстяное. Как офицер, я стал получать дополнительный продовольственный паек.

В логове врага

28 февраля наша группа в составе четырех офицеров покинула Ланьцут и направилась на фронт, каждый в свою часть. В состав группы входили я и мой друг Борис Зарецкий. Добирались самостоятельно, пользуясь попутным транспортом. Первая остановка с ночлегом была в Кракове, где сердобольная пани не отказала нам в приеме и даже постелила свежее постельное белье. Мы, в свою очередь, отблагодарили её кое-какими продуктами из наших запасов.

Через некоторое время мы добрались до Ченстохова, расположенного в промышленной Силезии. Далее на Запад мы ехали на трамвае. Ехали долго, наш трамвай оставил позади Ченстохов и пересек несколько населенных пунктов, практически соединенных друг с другом. По обе стороны дороги тянулись жилые дома и заводы. Между тем пассажиры, входящие в трамвай, смотрели на нас настороженно. Пожилые люди, несмотря на возраст, старались уступить места военным. И мы поняли, что находимся в Германии.

Вечером мы решили сойти с трамвая и переночевать в одном из коттеджей, очень похожих на те дома, которые за последние годы у нас в России строят себе обеспеченные люди. Нам казалось, что победителей встретят здесь с распростертыми объятиями. Но мы ошибались. Ни в одном из трёх домов, в которые мы стучались, дверь нам не открыли. Подошли к четвёртому дому, стали стучать в дверь что есть силы и не только кулаками, но и сапогами. Наконец, услышали визгливый, истеричный голос. Хозяйка открыла нам дверь. На нас обрушился целый поток причитаний. Одно из произнесенных слов, а именно «забрали», она произнесла по-русски. Мы знали, что наши солдаты, ворвавшись

в «логово» врага ценой колоссальных жертв, не могли сдерживать свою ярость и обрушивали её на местных жителей. Ведь это были родители, жены, сёстры тех самых фашистов, которые убивали, грабили и насильовали наших женщин.

И все же наши солдаты, в отличие от фашистов, вели себя, можно сказать, благородно, однако случаи изнасилования немецких девушек были, хотя они, как правило, сразу же пресекались. А вот неоднократно услышанное мной слово «забрали» означало вот что: в Германии к этому времени уровень жизни был куда более высоким по сравнению с нашим. Да при всём этом война, которая преимущественно шла на нашей территории, сделала наш бедствующий народ нищим. Чтобы хоть как-то компенсировать причиненные войной убытки, советским воинам разрешали раз в месяц посылать из Германии посылки на родину: офицерам – по 10 кг, солдатам и сержантам – по 5 кг. Но где же взять вещи и продукты? Вот так и возникло это русское слово – «забрали».

Между тем хозяйка дома продолжала причитать. Мы объяснили ей, что нам ничего не нужно кроме ночлега. В конце концов, она показала нам комнату, где стояли три кровати и диван. А также там был еще гардероб, набитый одеждой.

Утром перед завтраком я сходил в расположенный поблизости продпункт и получил по нашим аттестатам продукты. Зашёл в пекарню, попросил хлеба. Пекарь-поляк выдал мне четыре буханки, взяв с меня расписку для своего отчета. Тем временем наш старший лейтенант вытащил часть одежды из гардероба и набил ею свой чемодан. Нас возмутил его поступок, ведь мы ехали не отдыхать, а воевать... Мы решили с ним расстаться.

Запомнилась мне еще одна остановка на ночлег в каком-то небольшом селении, через которое только что прошли передовые части нашей армии. Не поворачивается язык назвать это селение деревней. В нашем понимании деревня состоит из деревянных изб и немогущей улицы. Здесь же каждый из одноэтажных домов представлял собой красивый кирпичный коттедж. Мы обошли несколько домов и были поражены увиденным. Зеркала, трюмо и люстры были разбиты, повсюду валялась разбросанная одежда и бельё. Будто бы всё это специально крушили, били, уничтожали. Возможно, что таким образом наши солдаты мстили немцам за все испытания и трудности, через которые им пришлось пройти. Но есть и другая причина чисто психологического характера. До войны мне пришлось побывать в избах многих наших деревень. Обстановка в них была скудной: деревянный стол и лавки вдоль стен. Не в каждом доме были кровати. Старые люди нередко спали на печке. О сервантах и мягкой мебели не могло быть и речи. Нетрудно себе представить, что какой-нибудь деревенский парень, выросший в такой вот избе, не мог на всё это смотреть спокойно.

Мы выбрали в этом селении домик для ночлега, поужинали, воспользовавшись запасами, которые хранились в кладовой. Спать легли на мягких кроватях, раздевшись и укрывшись пуховыми одеялами, как это принято у немцев. Дверь закрыли на ключ, а под подушки положили на всякий случай пистолеты. Утром распрощались, и каждый из нас направился в свой полк. 10 марта я предстал перед командиром своего полка майором Брыкиным. Мне не хотелось, чтобы меня направили на четвертую батарею, в которой я служил до отъезда на курсы. Нелегко командовать сержантами и солдатами, с которыми уже сжился за время боев. Майор понял это и отправил меня на первую батарею, которая больше всех пострадала в боях на Одере.

Досадная ошибка

В звании младшего лейтенанта явился я на первую батарею, которую возглавлял капитан Кизим. Познакомившись со мной, он отвел меня во второй взвод, которым мне и предстояло командовать. Кизим сам недавно принял первую батарею после того, как бывший её командир капитан Орёл, а также два командира взвода погибли на плацдарме реки Одер, примерно в семидесяти километрах к юго-востоку от Бреслау (ныне Вроцлав).

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Из офицеров в живых остался только лейтенант Гаврилов, с которым у меня завязалась дружба. Несколько позднее на батарею прибыл и ещё один командир взвода, младший лейтенант Нечаев, недавний выпускник одного из училищ зенитной артиллерии. Санструктором на батарее была Тася Курьянова, о которой я уже упоминал.

На нашем фронте в это время было относительно спокойно, если не считать редких взрывов орудийных снарядов противника и довольно частых пулеметных и автоматных очередей, доносившихся с переднего края. Перестрелка не прекращалась и ночью, и тогда её слышимость резко возрастала. А небо в тёмное время суток было постоянно освещено ракетами и спускающимися на парашютах светящимися бомбами.

Событие, о котором пойдет речь, произошло в конце марта 1945 года. Наша батарея располагалась в районе селения, если мне не изменяет память, под названием Цоптен. С восточной стороны к батарее примыкал ряд одноэтажных коттеджей, а на западе, уже за передним краем виднелась поросшая лесом зелёная гора с замком на самой вершине. Там, якобы, находился женский монастырь.

Сравнительно долгое пребывание батареи на одном месте позволило обустроить нашу землянку и даже создать в ней уют. В землянке мы жили вдвоем с дальномерщиком Глазьевым. Этот солдат добровольно выполнял обязанности моего ординарца. В землянке стояли две кушетки, а земляные стены были завешаны коврами. Нашлось место и для картинок с красивыми женщинами, как одетыми, так и раздетыми (об этом позаботился мой ординарец).

В тот самый день нашего комбата вызвали в штаб полка, и мы «Ваньки-взводные», как мы сами себя называли, почувствовали некоторую свободу. Решили позавтракать все вместе на кухне, размещавшейся в подвале ближайшего дома. Наш комбат подобных вольностей не разрешал, поскольку при внезапном налете самолетов противника командиры должны были находиться вблизи орудий. На кухне нас радушно встретил повар и санструктор Тася. Стол был накрыт, а младший лейтенант Нечаев прихватил с собой и спиртика. Кстати говоря, нашим солдатам удавалось находить спирт с помощью щупов в земле, куда немцы его зарывали перед эвакуацией. За столом шла весёлая беседа, чему благоприятствовало присутствие красивой девушки, которая, кстати, находилась у нас временно.

И вдруг мы услышали крик: «Что вы там сидите?». Выскочив из подвала, как по тревоге, мы сразу же увидели восьмимоторную махину, летящую прямо на нас на сравнительно небольшой высоте (около 2000 м). Определить тип самолёта было невозможно, тем более что подобный самолёт мы видели впервые. Имеющийся на батарее альбом силуэтов всех типов самолётов использовать было уже поздно.

Я попытался разглядеть опознавательные знаки на крыльях с помощью бинокля. Сначала мне показалось, что это фашистские кресты. Присмотревшись, я увидел звезду в центре круга, но полной уверенности, что это самолёт союзников, у меня не было, поскольку я, как и мои товарищи, был «под градусом». Однако интуиция подсказывала, что это «Боинг-17». А вот Нечаев был уверен, что это немецкий самолёт «Фокке-Вульф-200». Время уходило, самолёт, пролетев над нами, начал удаляться. И тут Нечаев скомандовал: «По самолету противника длинными очередями огонь». Пушки дружно заговорили, выпустив целый снаряд траассирующих снарядов. Самое интересное, что вытянутые вдоль фронта остальные батареи дивизии тут же, вслед за нами открыли огонь по самолёту. Очевидно, они тоже сначала сомневались в его принадлежности, но, увидев, что их соседи начали стрельбу, последовали нашему примеру. Море огня, а самолёт продолжал лететь, словно бы заглатывая достигающие его снаряды. Наконец, мы увидели, что он задымился, и можно было наблюдать одиннадцать белых точек, то есть парашютов, с помощью которых экипаж покинул загоревшийся самолёт. На батарее все торжествовали и кричали «Ура».

Затем мне довелось услышать разговор по прямой связи командира полка с командирами всех батарей. Каждый доказывал, что именно его батарея сбила самолёт. В спор вмешался командир дивизии, который задачу решил просто. Узнав, что первой огонь по самолёту открыла наша батарея, он отдал пальму первенства нам, пообещав, что все

офицеры батареи будут награждены орденами Красного Знамени. Мы настолько этому обрадовались, что не могли себе отказать в дополнительном приёме спиртного. После этого я спокойно и крепко уснул в своей землянке.

Через какое-то время меня разбудил мой ординарец. Оказалось, что мы сбили не «Фокке-Вульф», а самолёт нашего союзника, «летающую крепость Боинг-17». Лётчикам удалось приземлиться вблизи переднего края, и наши пехотинцы, приняв их за немцев, отобрали у них все ценные вещи. Лётчиков привезли в штаб дивизии и вопрос с ними решили мирно, приняв их по-братски, с угощением. К счастью, американцы были уверены, что их сбили немцы, а наша армия спасла им жизнь. Наши штабисты не стали их убеждать в противном. А нас, трёх офицеров, вместо награждения орденами наказали десятью сутками домашнего ареста, что на фронте означало уменьшение зарплаты на 50%. Можно сказать, что командир дивизии обошёлся с нами по-божески. А основным виновник сбитого самолета Нечаев потом шутил, говоря, что «летающая крепость», стоимостью в миллион долларов обошлась каждому всего лишь по 360 рублей. Об этом случае я вспоминал во время «холодной войны», когда наши летчики-истребители становились героями, если им удавалось выполнить боевую задачу и вынудить американские самолёты-разведчики «уйти в сторону моря».

Машенька

У меня, как и у каждого молодого человека, оказавшегося на войне в восемнадцатилетнем возрасте, конечно, была школьная любовь. Но через год-другой эта школьная любовь стала понемногу забываться. Этому способствовали и тяжелые фронтовые испытания, подобные тем, через которые мне довелось пройти на Северо-Западном фронте. Однако желание любить и быть любимым, несмотря ни на что, оставалось и согревало сердце надеждой.

Женщин в армии было сравнительно мало – в основном работники медсанбата, сестры и санинструкторы. Каждая из них была предметом всеобщего внимания. Что касается моего отношения к ним, то оно зависело не столько от их внешних данных, сколько от человеческих качеств. Злые и высокомерные, а такие тоже встречались, вызывали у меня равнодушие, а порой и пренебрежение. С удовольствием вспоминаю нашего санинструктора Мишину, которая находилась на нашей батарее короткое время в середине 1944 г. Она была из простой крестьянской семьи. От неё веяло добродушием и состраданием к раненым. Я, можно сказать, в неё влюбился, несмотря на отсутствие внешней привлекательности.

Примерно через год, когда уже был офицером, я влюбился в Машеньку Отбельщикovu, которая была санинструктором первой батареи, куда я был распределен. Внешность её описывать нет необходимости, достаточно сказать, что она была точной копией Лидии Смирновой, киноактрисы, снявшей в известном тогда фильме «Моя любовь». Она сразу же мне рассказала, что была любовницей бывшего комбата Орла, погибшего на Одерском плацдарме. По её словам, Орёл безумно её любил, и этому я не мог не поверить. Об их взаимной любви и о намерении после войны пожениться они успели сообщить своим родителям.

Я оказывал Машеньке всяческое внимание. Во время переездов на новые позиции она обычно сидела рядом со мной на переднем сиденье автомашины. Когда мои солдаты приносили какие-либо вещи для посылок домой, наилучшие из них отбирала себе Маша. По моей просьбе ей рыли отдельные землянки на каждой из позиций. Маша воспринимала всё как должное. Однажды она обратилась ко мне с просьбой, чтобы я отдал ей свое право послать родным посылку весом не в 5, а в 10 кг. Я не мог отказать ей в этой просьбе.

Я закрывал глаза на потребительское отношение ко мне со стороны Машеньки и в то же самое время ревновал её к командиру дивизии полковнику Волкову. Полковник Вол-

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

ков был человеком средних лет, женатым, имеющим на гражданке двух взрослых сыночек. На фронте у него в любовницах числилась медсестра из санбата. Она дважды беременела и уезжала рожать во Львов, где у неё был дом, построенный на средства полковника. В периоды, когда полковник оставался без своей постоянной любовницы, он вызывал к себе Машеньку. Машенька очень хорошо отзывалась о полковнике, по приказу которого она была одета в подогнанное шерстяное обмундирование и хромовые сапожки.

Чтобы закончить повествование о моих отношениях с Машенькой, мне придется забежать вперед. Вскоре после войны, когда наша дивизия стояла лагерем под Прагой, нас, командиров взводов, разместили в отдельном домике. И вот однажды, когда я лежал на своем топчане и что-то читал, вошла Машенька. В домике, кроме нас никого не было. Она присела на мой топчан и положила свой локоток прямо мне на грудь. От неожиданности я оторопел. Я просто не знал, что мне делать. Она выждала несколько секунд, резко поднялась и спросила: «Может быть, помешала?» После этого она вышла из домика, будучи, очевидно, оскорблённой моим бездействием.

А вскоре я узнал, что она выходит замуж за старшего лейтенанта нашего полка, Героя Советского Союза Антошкина. Антошкин выделялся смазливой внешностью и был бравым, удалым парнем, но недалеким по уму. Когда наш полк стоял в Вене, мне довелось побывать в семье моего бывшего однополчанина. В доме было грязно, не прибрано, плакал полугодовалый ребёнок, а Машенька командным голосом покрикивала на мужа. Да и со мной моё бывшее божество обошлось не очень любезно. Не позавидовал я бывшему бравому офицеру, Герою Советского Союза, который в своей семье превратился в простого рядового.

Первый сексуальный опыт

Тема сексуальных отношений между женщинами и мужчинами в годы нашей молодости не была популярной. В средствах массовой информации слово «секс» было даже под запретом, будто в жизни секса не было вовсе, но законы физиологии человека игнорировать невозможно. Даже любовь, являющаяся одной из движущих сил человечества, основывается на сексуальных отношениях. Вот почему любовь и секс были излюбленной темой бесед между нашими солдатами. Так что долгое отсутствие близости с женщинами тоже немаловажное испытание, через которое пришлось пройти участникам Великой Отечественной войны. Особенно это касается солдат, возможности которых в этом отношении были намного меньшими, чем у офицеров.

Что касается меня, то во время войны я мог лишь слушать рассказы уже опытных в этом отношении товарищей о былых любовных и сексуальных историях. У меня подобного опыта не было, в чём мне было даже неудобно сознаться. Поэтому я только слушал и, конечно, мечтал о том, чтобы это случилось. И вот, наконец, мне представился случай вступить в сексуальные отношения с женщиной буквально через месяц после того, как я стал офицером.

Начну с того, что на нашей батарее появился сотрудник СМЕРШа, лейтенант Петров. Держался он независимо, но был весьма образованным человеком. Мне было с ним интересно, и мы часто в свободное время беседовали с ним на совершенно разные темы. Однажды в откровенной беседе он неожиданно назвал мой псевдоним осведомителя, под которым я числился еще на Северо-Западном фронте. А я-то надеялся, что после госпиталя, когда я попал на другой фронт, да и по истечении двух лет данные мной обязательства этой организации канули в лету. Но я ошибался, меня каким-то образом нашли. Спрашивается, зачем, если война уже кончается? О каких шпионах может идти речь, когда наши солдаты в боях доказали свою преданность Родине? Но у СМЕРШа, видимо, своя точка зрения на этот счёт. Петров не только напомнил мне о моих обязанностях, согласно данной когда-то подписке, но и повысил мой статус. Он назвал мне нескольких человек из нашей батареи, которые соответствующие сведения должны передавать мне,

а я – в вышестоящую инстанцию. Но как тут быть? Единственное, что можно было сделать, это создавать видимость поиска шпионов и инакомыслящих, а на деле ничего не делать.

Но я отвлекся от темы секса. Однажды, уже после освобождения Дрездена, в одном из населенных пунктов вблизи границы с Чехословакией, Петров организовал ночное патрулирование. Ему помогал младший сержант по фамилии Шац, который отлично владел немецким языком. Шац и предложил мне посетить одну немку, с которой при желании можно «переспать». Я согласился, поскольку рано или поздно надо было стать мужчиной, тем более что мне уже был 21 год. Женщина оказалась весьма симпатичной, хотя и старше меня лет на десять. Без знания немецкого языка общаться с ней было трудно, но она оказалась понятливой и предупредительной. Выполнив то, что от меня требовалось, я стал противен сам себе. Быстро одевшись, я буквально вылетел из её дома. Пришлось убедиться на деле, что радость от сексуальных отношений просто невозможна, если нет любви или хотя бы влюбленности.

Я не знал, что мне делать дальше, и ничего лучшего не придумал, как предложить эту женщину Петрову. Он сразу воспрянул духом и с готовностью помчался по указанному адресу. Вот так и был приобретён мой первый сексуальный опыт. Может возникнуть вопрос, почему в главе, посвященной сексуальным отношениям, слишком много места отведено представителю СМЕРШа. А дело в том, что условия для моей встречи с женщиной фактически создал Петров.

Чтобы не возвращаться к вопросу о моих отношениях со СМЕРШем, забегая вперед, скажу следующее: уже перед демобилизацией в 1948 г., когда я служил в Киевском военном округе, меня опять-таки нашли. В разговоре с капитаном из особого отдела я наотрез отказался быть осведомителем в дальнейшем, ссылаясь на предстоящую демобилизацию. А он доказывал мне, что осведомители нужны и на гражданке. Поскольку я продолжал настаивать на своём, он выразил лишь сожаление, что я был ознакомлен с приёмами их работы. После этого неприятного разговора я не был уверен, что КГБ оставит меня в покое. Но всё обошлось, если не считать случаев, когда меня не выпускали за границу.

Последний месяц войны

Через десять дней после того злополучного дня, когда мы по ошибке сбили самолёт союзников, наша батарея прикрывала автостраду Берлин-Бреслау. Эта прямая двухленточная дорога была расположена в стороне от населённых пунктов. Ехать по ней на большой скорости почти все равно, что плыть по воде на глиссере. В те годы мы невольно удивлялись, что наши враги добились такого совершенства в строительстве дорог. Один из самых удачных для нашей батареи случаев ведения огня произошел 10 апреля рядом с этой автострадой. Разведчик, который не спускал глаз с неба, вовремя увидел восемь немецких самолётов «Фокке-Фульф-190». Они летели на бреющем полете вдоль трассы. Появилась прекрасная возможность проявить накопленное мастерство в стрельбе на поражение. Команда «Огонь» прозвучала своевременно, и эффект автоматической стрельбы был превосходным. Три самолета из восьми были сбиты.

На батарее в это время находился и заместитель командира полка по строевой части майор Горышев. Он высоко оценил результат стрельбы и способствовал оформлению соответствующей документации. Из всех полковых начальников Горышев, бывший преподаватель ремесленного училища, пользовался среди солдат наибольшим уважением. Мне понравилась одна фраза, которую я случайно услышал во время его перебранки с майором-особистом. Она прозвучала так: «Я три фашистских самолета сбил, а вы мне здесь нотации читаете!». Работник СМЕРШа тут же сел в свою машину и укатил.

Через несколько дней произошёл случай, когда я проявил непростительное для военного времени ребячество. Это было опять-таки на автостраде, в коридоре между передним краем и окружённой группировкой фашистских войск в Бреслау. Чтобы прикрыть

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

зенитным огнём более значительный отрезок автострады, три взвода батареи были разведены с пятикилометровым промежутком между ними. Таким образом, я стал лично отвечать за воздушную безопасность вверенного мне участка дороги.

Отчётливо помню то раннее утро. Я умывался, когда услышал шум мотора заведенного мотоциклета. Мотоциклет был немецкий и подобран в дорожном кювете нашим шофером. Я просто не смог устоять, так захотелось промчаться на нём с ветерком по еще пустынной утром автостраде. Забыв обо всём, я на большой скорости мчался по прямой, как стрела, идеальной дороге. Меня стала догонять грузовая машина. И вдруг, откуда он взялся – непонятно, немецкий самолёт-штурмовик, как коршун, спикировал на дорогу и выпустил очередь по догонявшей меня машине.

Свистящие пули с треском ударились о покрытие дороги и рикошетили не только сзади, но и вокруг меня. Конечно, я сразу понял, какую совершил ошибку. Я лихорадочно затормозил, развернулся и помчался назад, забыв, что чудом остался жив. В тот момент я думал даже не о личной опасности, а о взводе, который оставил на произвол судьбы. Хорошо ещё, что командиры орудий сообразили самостоятельно открыть огонь по самолёту, к сожалению, с опозданием. На моей совести остались сожженная стервятником автомашина и ранение её шофера. Я вернулся к своим орудиям в подавленном настроении.

Вскоре во взвод приехал полковник Волков и отчитал меня по полной программе за то, что взвод не выполнил главной своей задачи и позволил безнаказанно уйти самолёту, уничтожившему автомашину. Хорошо ещё, что мои ребята не выдали меня, а полковник так и не узнал о моём необдуманном поступке. Через несколько дней моему взводу все же удалось сбить один самолет противника.

В последний месяц войны продвижение Советской армии на запад было всё более стремительным, поэтому огневые позиции приходилось менять довольно часто. И вот наша 5-я гвардейская армия совершает бросок на Эльбу. Наша батарея заняла позицию на пригорке правого берега, около города Торгау. Мы наблюдали оттуда за встречей представителей наших войск с командованием союзнической армии. Орудийные расчёты были готовы к открытию огня на случай появления вражеских самолётов.

Далее наш путь лежал в Дрезден. По дороге мы встречали машины с союзниками, которые нас дружно приветствовали. В Дрезден мы вступили в первых числах мая, сразу же после освобождения города нашей армией. Мне запомнились пустынные улицы с домами, из окон которых были вывешены белые флаги. Стоило нам подъехать к одной из площадей, как из окна напротив стоящего дома был выпущен фауст-патрон, то есть большая реактивная граната, которая с большого расстояния могла поражать наши танки. На этот раз фауст-патрон угодил в танк, который загорелся. Чтобы предупредить нечто подобное, наш комбат приказал одному орудью «прочесать» длинными очередями верхние ряды окон, из которых предположительно и была выпущена граната.

Затем была длительная остановка батареи на привокзальной площади. Там мы узнали, что в подвале вокзала находится ресторан. С разрешения комбата я спустился туда и стал свидетелем «пира горой». За столами, которые ломились от закусок и множества бутылок с немецким коньяком, сидели советские офицеры. Их обслуживали русскоязычные девушки-официантки, очевидно ранее угнанные из нашей страны в Германию. Совсем недавно они обслуживали немецких офицеров. Чувствовалось, что наши девушки испытывали прилив радости и с удовольствием подносили гостям всё новые блюда. Они охотно принимали ухаживания наших офицеров.

И, наконец, победа!

В апреле 45-го года мы уже предчувствовали близкую победу над фашистской Германией и ждали окончания войны со дня на день. И вот 8 мая, наконец, подписан акт с немецким командованием о полной и безоговорочной капитуляции. Буквально на другой день наша 5-я гвардейская армия была брошена на Прагу и участвовала в её освобождении.

Мне запомнилось, как наша батарея в числе других подразделений дивизии вступив в чехословацкую столицу, медленно двигалась по узкому коридору между толпами встречавших нас жителей. Мужчины и женщины, которых здесь было гораздо больше, бросали сидящим в машинах воинам цветы, а порой передавали что-то из угощений. Со всех сторон слышалось многоголосое слово «Насдар». Я стоял рядом с сидящим за рулём шофером и отвечал на приветствия приподнятой рукой. Только за городом, наконец, опустил онемевшую руку. Невольно вспомнилось наше шествие по Дрездену, где нас не только не приветствовали, а, наоборот, пытались забросать фауст-патронами.

Нашу дивизию разместили в окрестностях Праги, здесь нам и стало известно об утверждении 9 мая Днем Победы. Трудно передать словами ту радость, которую мы испытывали. Война закончилась, а мы остались живыми и невредимыми. Вероятность погибнуть или стать инвалидом сначала на Северо-Западном, потом на Воронежском, 2-м Украинском и 1-м Украинском фронтах была велика. Так, на нашей зенитной батарее до Курской битвы насчитывалось 70 человек живыми и невредимыми, а осталось всего лишь 7.

Победа принесла нам чувство раскрепощенности. На фронте мы были «привязаны» к своим орудиям, сохраняя ежеминутную готовность к открытию огня. Даже спать приходилось одетыми. После войны офицеры имели возможность жить на частных квартирах, а вне службы спокойно распоряжаться своим временем. Любимыми послевоенными мероприятиями были застолья в кругу друзей, нередко приглашали и женщин. На этих собраниях чаще всего делились воспоминаниями о каких-нибудь военных эпизодах. Поскольку эти застолья сопровождались принятием спиртных напитков, то языки у офицеров развязывались, и беседы затягивались за полночь. Бывали случаи, когда офицеры не находили общего языка, и тогда всё заканчивалось выяснением отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями. Не случайно после очередного застолья кто-нибудь из офицеров являлся в столовую, будучи перевязанным.

В первые дни наступившего мира группа из шести офицеров, в которую входил мой бывший командир взвода Поляков и я, была командирована в город Брно. Перед нами стояла задача – посетить лагерь советских военнопленных. Необходимо было отобрать 500 человек для пополнения в те подразделения, из которых к этому времени выбыли военнослужащие старшего возраста.

В лагере работали офицеры спецорганов, после проверки военнопленных они передали нам, согласно акту, пятьсот человек. Нашему капитану удалось обхитрить начальство лагеря и принять на пять человек больше. Сделать это было нетрудно, поскольку многие военнопленные горели желанием попасть в зенитную дивизию. А вечером, накануне отбытия, мы решили расслабиться и отметить приём пополнения, а заодно и недавний День Победы. Продукты у нас имелись, а вот выпивки не было. Меня, как самого молодого, послали на товарную железнодорожную станцию за спиртом. Сведения о цистерне, охраняемой часовыми, сообщил кто-то из жителей дома, в котором мы как раз остановились. Задача была непростой – выпросить у солдата хотя бы одну бутылку охраняемого им спирта. Официальный тон был неуместен. Пришлось забыть, что я офицер, и просить у солдата войти в мое положение, о котором я рассказал. Не сразу, но в конечном итоге солдат сжалился, и я вернулся с двумя бутылками спирта. На другой день нам по списку передали отобранных военнопленных. В дороге мы организовали им питание и ночлег. Нести ответственность за незнакомых нам, практически чужих, людей было отнюдь нелегко. Тем не менее, с этой задачей мы в основном справились, если не считать, что пять человек по пути исчезло.

На одном из торжественных мероприятий, посвященных Дню Победы, собрались все офицеры дивизии и приглашенные сержанты и солдаты. Все пришли с орденами. Я обратил внимание на бросающуюся мне в глаза закономерность. Больше всего наград имели командиры полков, их заместители и работники полковых штабов, не говоря об офицерах штаба дивизии. Командиры батарей были награждены тремя, реже – двумя орденами, а командиры взводов – одним или двумя орденами.

ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Командиру нашего полка майору Грунину за наибольшее количество сбитых самолётов противника было присвоено звание Героя Советского Союза. Такое же звание получил и его подчиненный, командир пулеметной роты старший лейтенант Антошкин. Приглашённые на торжество командиры орудий имели по одной боевой медали и лишь некоторые из них были удостоены ордена Славы. Что касается наводчиков орудий, имеющих звание рядового или ефрейтора, то редко кто из них был награжден хотя бы медалью. А ведь они главным образом и сбивали вражеские самолёты.

У меня наград не было. И я чувствовал себя «не в своей тарелке». На это обратил внимание парторг полка капитан Иващенко, знавший меня как бывшего комсорга батареи. Он спросил, почему я не надел награды. Узнав, что я вообще не награждён, он сказал, что постарается исправить положение. И, действительно, вскоре командиру дивизии была направлена реляция, в которой говорилось, что моим орудием, а затем взводом было сбито семь самолётов противника. Названная цифра, кстати говоря, значит и в моём личном деле. А через неделю командир дивизии вручил мне орден Красной Звезды. Так что справедливость в отношении меня восторжествовала.

Мне кажется, что о заслугах в Великой Отечественной войне следует судить не по количеству орденов. Ими награждались подчас и люди, не побывавшие на переднем крае. И, наоборот, солдаты, которые жертвовали своей жизнью, порой не были отмечены даже медалями. Приведу один случай, произошедший уже в мирное время. В 1983 г. мы были приглашены в г. Кременчуг. В боях за Кременчуг участвовала та самая гвардейская дивизия, в составе которой я был ещё на Северо-Западном фронте. Нас на катерах отвезли на фарватер Днепра, и мы бросили в воду венки и цветы. Именно здесь, на этом участке, погибло много бойцов во время форсирования Днепра. На берегу нас встречала воинская часть, а поодаль стояли местные женщины, смотрели на своих освободителей, грудь каждого из которых была увешена орденами и медалями, и плакали.

Нас пригласили к импровизированному столу, и тут один из ветеранов попросил встать бывших солдат. Из сотни гостей поднялся лишь один и, как мне показалось, он был весьма смущён. В отличие от остальных, имеющих несколько орденов, у него была всего лишь одна медаль «За боевые заслуги». А ведь этот солдат, чудом оставшийся в живых при освобождении Кременчуга, сыграл не меньшую роль, чем каждый из присутствующих здесь офицеров. Не отрицая большой роли офицеров в той войне, мне хочется напомнить о неимоверно большем вкладе в победу простых солдат, заслуги которых оценивались порой «неадекватно», как принято говорить в настоящее время.

